

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.181.1'36-112

ПРОЯВЛЕНИЕ СКРЫТОЙ КАТЕГОРИИ ПОСЕССИВНОСТИ
В ПОЗИЦИИ ПРЯМОГО ОБЪЕКТА В ЯЗЫКЕ ЛЕТОПИСЕЙ

О.С. Ильченко

Аннотация

В статье на материале главным образом летописных текстов показывается, что употребление лексически одушевленного имени существительного в форме И=В падежа в большинстве случаев связано со спецификой *субъект-объектных отношений*, отражающих *посессивность*. Модели, порожденные архаическим мировоззрением и изжившими себя общественными отношениями, со временем разрушаются – и вместе с ними постепенно исчезает обусловленная ими всегда довольно редкая форма И=В.

Ключевые слова: категория одушевленности в русском языке, вариативность падежей, посессивность.

*Воистину богатая шкала связей между целым и частями оказывается вовлеченной в строение языка, где **pars pro toto** и, с другой стороны, **totum pro parte**, **genus pro specie** и **species pro individuo** являются фундаментальными устройствами.*

Р. Якобсон

Язык русских летописей сохраняет архаическую вариативность падежного «заполнения» (Р=В или И=В) позиции прямого объекта прежде всего у личных существительных *masculina singularia*. Цель настоящей статьи – показать, что выбор падежной формы на *поверхностном уровне* отражает *глубинную семантику посессивных отношений* – *отчуждаемой* или *неотчуждаемой* принадлежности.

Специфика маркирования личного объекта связана с философским и психологическим понятием *идентификации личности* (*Кто этот человек есть?*), то есть с определением ее *границ*, в результате чего в человеке на первый план выносятся или социальное, или индивидуальное. Архаическое сознание обязательно *коллективистично*. Как пишет А.Ф. Лосев, «здесь везде имеет значение не сам индивидуум, но тот коллектив, к которому данный индивидуум относится».

и воплощением или, по крайней мере, выразителем которого он всегда является... так что, может быть, **категория принадлежности** возникает даже и раньше **категории самой личности** (выделено нами. – *О.И.*)» [1, с. 293–294]. Об этой своеобразной черте архаического мышления, нашедшей отражение в различных сторонах древних языков, пишет С.Д. Кацнельсон. Отдельные лица мыслились объединенными в некое конкретное множество, конкретную группу, выступающую нераздельно в сознании той исторической эпохи. Это «супружеская чета», «родители», «отец и сыновья», «родные или сводные братья», «семья с челядью», «сородичи», «друзья», «конунг и его дружина»¹, «спутники по походу» и под. Представление *о целом* доминирует здесь над отдельными частями, а отдельные лица, входящие в состав такого коллектива, постоянно мыслились только в отношении к данному коллективу [2, с. 185]. В самом деле, часть может осознаваться только после того, как сложилось понятие целого, так как часть – это всегда часть чего-то, по отношению к чему-то, то есть целое предшествует части. В этом смысле показателен пример: **Не вѣди лъжь послѣхъ на свои гражданинѣ, сирѣчь на свои единовѣрникѣ** (Панд. Ант. XI в., 93). Выбор падежной формы (И=В) обусловлен контекстной семантикой рассматриваемых существительных: во-первых, налицо *обобщающий* смысл лексем, во-вторых, «чистая рефлексивность» (по меткому выражению Л. Теньера [3, с. 67]) **свои** фиксирует *тесную связанность* субъекта и объекта как принадлежащих к единой вере и единому государству².

Летописные контексты доносят до нас эти архаические особенности мышления, когда человек осознавался не как самостоятельная личность, а как часть того или иного целого (коллектива), представителем которого он является (род-племя, семья, княжество, государство, церковь), например: **1168: Берендичи же ѹбиша Володимерь муж, ѹбиша же и ти лучших от Берендич** (Моск. лет., 76); **1237: тут же и сынъ Ярославль ѹбиша** (там же, 128). Для летописца весьма важным является тот факт, что, к примеру, Святослав – *чей-то* сын, *чей-то* брат, *чей-то* муж, *чей-то* князь: **1160: Новгородци вѣсташа на князь свои на Святослава Ростиславича и поидоша на нь на Городище яти его** (там же, 68).

В летописном сказании *о Кожемяке* мужи определяются как *представители* той и другой стороны – стороны князя Владимира (муж исполняет княжью волю) и стороны печенегов (муж исполняет волю своего народа): **выстѹпи мѹжь Володимерь** (Лавр. лет., 123); **выпѹстиша Печенѣзи мѹжь свои** (там же, 123). В предложениях представлены ранее неизвестные объекты, которые впервые вводятся в сообщение (группа сказуемого выступает здесь в своем типичном амплуа – *ремы*) и идентифицируются по отношению к субъектам («относящийся к узкой группе»). Притяжательные маркеры «высвечивают» ситуативное значение: человек определяется *не сам по себе*, а по отношению к тому, *чьим* представителем он является, *чью* волю исполняет, *кто* его выпускает.

¹ У славян аналогом, несомненно, является «князь и его дружина» (ст.-слав. **кѣназь** заимствовано в праславянский период у германцев, знающих *kuning*).

² Как показывает проведенное нами исследование, наличие предлога не мешало древнерусским книжникам при необходимости употреблять и Р=В.

Под таким углом зрения открываются и причины фразеологизации выражений типа **посълати посълъ** в древнерусском языке, которые в результате частого употребления становятся *речевыми штампами*, о чем свидетельствует их наличие в памятниках письменности даже более позднего периода. Ведь **посълъ** – «исполняющий поручение» [4, с. 1278], то есть *в любом случае* исполнитель *чуждой* воли. Если в центре внимания летописца находятся действия русских князей, то представление о них прежде всего возбуждается в сознании читателя, тогда как «проводники» их активности сами по себе пассивны. Следующий пример наглядно показывает «проводниковую» функцию посла – великий князь свою речь «вкладывает» в уста посланника: **1186: Услышавъ же се князь велики Всеволод Юрьевич и посла къ Глѣбовичем, Роману и Игорю и Володимеру, посол свои, хотя смирити их, да бы не было кровопролитна межи братьею, и рече к ним** (Моск. лет., 93). В случае же выражения дополнения другой лексемой возможно *ситуативное предпочтение* падежной формы, смотря по наличию/отсутствию собственной активности у объекта. Ср.: **1160: по томъ же послаша князя в Ладогу** (там же, 69) и **1168: Мъстиславъ и тиунъ свои посла** (там же, 75). При глаголах **посълати, посадити** объект часто (но не всегда) мыслится как несамостоятельное лицо, подвластное воле субъекта: **1207: Онъ же водивъ их къ кресту и посади тиунъ свои въ Проньскѣ** (там же, 106); **1342: и прислаша гонецъ въ Псковъ со мною тугю и печалью** (там же, 174). Таким образом, потенцировать семантику *активности/пассивности* могут как лексическое значение *объекта*, так и лексическое значение *предикативного признака*.

Конструкция «приложение + имя собственное», которой изобилуют все летописи (многочисленные примеры приводит А.А. Потебня [5, с. 206–208]), также представляет своего рода *речевой штамп*. Причем наиболее частотны (и, видимо, нормативны) ситуации, когда имя собственное¹ имеет форму Р=В, а нарицательное – форму И=В. Сохранение И=В в таких конструкциях обычно объясняют формальными причинами – употребление объекта в качестве *приложения* к другому существительному, имеющему форму Р=В, не мешает адекватно воспринимать смысл высказывания. Однако представляется необходимым специально обратить внимание на семантику слов, употребляемых чаще всего в функции приложения, – это, как правило, *названия родства: дасть имъ своякъ свои Ярослава Володимерича* (Моск. лет., 90). Мы полагаем, что эта конструкция отражает принятую в обществе *характеристику лица с двух сторон*. С одной стороны, приложение (имя нарицательное) определяет человека не самого по себе, а по *принадлежности к тому или иному узкому кругу* (сын *чей-то*, князь *чей-то* и под.), поэтому и оформляется, как правило, И=В, выражающим *неотчуждаемую принадлежность*, обусловленную неразрывной связью субъекта и объекта как частей некоего спаянного целого. С другой стороны, имя собственное уже называет человека *самого по себе*, свидетельствует о *выделении индивидуальности* из безликого коллектива, поэтому и оформляется,

¹ Ср. также *индивидуализированное значение* у имен собственных, которые среди всего класса субстантивных лексем наиболее регулярно используют форму Р=В в древнейших славянских памятниках письменности.

как правило, Р=В, выражающим *отчужденную* принадлежность, например: 1166: **Того же лѣта Ярославъ Галичскы поя за сынъ свои за Володимера Святославу дщерь Всеволодовича, а Ярослав Изяславич поя за сынъ свои за Всеволода Юрьеву дщерь Ярославича** (Моск. лет., 74). Более редкое обратное оформление может свидетельствовать об изменении фокуса внимания (если это не ошибка писца) и перенесении функции приложения на другую лексему. Со временем речевой штамп разрушается: 1211: **Приведе князь велики за сына своего за Георгиа невѣсту ис Кыева Всеволожу дщерь Святъславича** (Моск. лет., 108); **приведе вановну за брата своего Володимера** (Ипат. лет., 408).

Внимание к содержанию *речевых штампов* помогает вскрыть устойчивые семантические основания выбора падежных форм в позиции прямого объекта. Несомненно, частая повторяемость того или иного выражения вызвана *типичностью ситуации* и *социальной закрепленностью* того или иного *сценария поведения*.

В свете изложенного становится понятным, почему в течение уже почти ста лет периодически «всплывает» утверждение о том, что сохранению формы И=В способствует сочетание существительного с местоимением *свои*. Правда, В.Б. Крысько, говоря о «надуманности “особых условий”, якобы способствовавших выбору той или иной формы» [6, с. 14], приводит статистические данные, будто бы подтверждающие индифферентность падежной формы к наличию возвратно-притяжательного местоимения, опровергая тем самым мнение большинства исследователей категории одушевленности (ср. [7, с. 149–150; 8, с. 158; 9, с. 239]). *Методологическая ошибка* заключается в том, что В.Б. Крысько исходит из количественного соотношения форм И=В и Р=В. Однако вполне естественное преобладание в текстах формы Р=В свидетельствует лишь о том, что новая модель, какое-то время сосуществующая со старой, постепенно вытесняет ее. Ср. изменение падежной формы в позиции прямого объекта в одинаковых, но *разновременных* контекстах со словом **князь**, указывающим не на конкретное лицо¹, а на намерение группы людей выбрать *для себя* правителя: **вѣскормили ксмы собѣ князь** (Лавр. лет., 276) и **вѣскормили есмы собѣ князя** (Моск. лет., 96).

Древнерусские памятники письменности отражают изменение *восприятия личности* во времени. Поэтому более информативным будет иной подход к анализу *статистических* данных – рассмотрение количества форм И=В с местоимением *свои* на фоне общего количества всех реликтовых форм И=В в одном и том же памятнике письменности. Так, еще подсчеты Й. Дитце показали, что из 12 примеров И=В в Синодальном списке Новгородской летописи 7 форм употреблены с местоимением *свои* и 1 форма с местоимением *мои*. Кроме того, Й. Дитце подчеркивает: “Bezeichnenderweise wird der einzige alte Akk. aus dem Teil 2 der Synodalhandschrift mit *svoi* gebraucht” («Характерным является то, что единственная старая форма аккузатива из Части 2 Синодальной рукописи употребляется с *свои*») [10, S. 265]. А. Тимберлейк, специально исследовавший в этом отношении материал *Лавр. лет.*, указывает на «статистический эффект»

¹ Если речь идет о князе как о самостоятельно активной личности, используется Р=В: 946: **вѣдѣху бо тако сами оубили князя** (Лавр. лет., 58).

свои в «Повести временных лет» [11, с. 14]. В *Моск. лет.*, по нашим подсчетам, имеют в качестве определения местоимение **свои** 21 из 46 засвидетельствованных форм И=В. Остальные реликты соотносятся: с *притяжательным* местоимением **мои** (3); с *притяжательными* прилагательными (2); с обозначениями зависимых лиц **за холопъ** (1), **за должникъ** (1) и «проводников» чужой воли **посол** (6), **гонецъ** (1); с названиями маленьких детей, тесно связанных с родителями, **дѣтищъ** (1), **младенецъ** (1); с речевым штампом **послати по сынъ** (7); с выражением **а нынѣ будемъ вси за одинъ муж** (1); с ФЕ **на богъ** (3) со значением ‘опираться на Бога’.

Принадлежность местоимения **свои** к специальным средствам выражения *субъектно-объектных отношений*, по-видимому, никогда не вызывала сомнений в лингвистике. А.И. Томсон, одним из первых выдвинувший эту гипотезу, полагает, что **свои**, являясь определителем объекта, тем самым отличает его от субъекта действия [9, с. 239]. Такого же мнения придерживается А.А. Шахматов [12, с. 51]. А.М. Пешковский подчеркивает, что возвратное притяжательное местоимение «может относиться только к тому лицу, которое сознается субъектом действия или состояния, выраженных в слове, подчиняющем (прямо или косвенно) данное местоимение» [13, с. 147]. В.Б. Крысько не признает релевантность этого фактора, отмечая отсутствие обязательной связи между словом **свои** и несубъектными формами существительных [6, с. 14]. А. Тимберлейк указывает на другую возможную причину воздействия данного местоимения: «**Свои** благоприятствуют (хотя и не требуют непременно) формульной интерпретации существительного: определяемое им имя относится к любому, кто находится в заданном отношении к субъекту» [11, с. 14]. Важным, однако, представляется следующее. Даже в субъектной позиции лицо с местоимением **свои** определяется *не само по себе*, то есть здесь имеет место выражение **посессивных отношений** (пусть и по отношению к другому субъекту).

Рассматривая содержание и.-е. местоименной основы **swe-* ‘свой’, Э. Бенвенист отмечает, что **swe-* предполагает **связи людей социального, родственного или аффективного характера**, такие, как соратничество, товарищество, свойство, дружба. Производные от основы **swe-* группируются вокруг двух понятийных признаков. С одной стороны, **swe-* предполагает принадлежность к целой группе «своих», с другой – **swe-* конкретизирует «себя» как индивидуальность. Здесь выделяется и понятие «себя» как категория *возвратности*. Иначе говоря, это то выражение, которым пользуется человек, чтобы определить себя как индивида и «замкнуть происходящее на себя», и в то же время эта *субъективность* выражается как *принадлежность*. Собственное значение и.-е. **swe-* предполагает одновременно отличие «себя» от всего остального, замыкание в себе и на себя, стремление обособиться от всего, что не есть **swe-*, и в то же время внутри обособленного таким образом круга – *тесную связь* со всеми, кто к нему принадлежит [14, с. 362–363]¹.

¹ Эта двойственная связь запечатлена в исторических данных. Санскр. *sva-* означает ‘свой’, но с особым специальным значением, выходящим за рамки значения личного обладания. *Sva-* называют того, кто принадлежит к той же узкой группе, что и говорящий, этот термин играет важную роль в юридических постановлениях о собственности, наследовании, введении в титул или в то или иное достоинство. Соответственный термин с тем же специальным значением существует и в латыни. В «Законах XII таблиц» имеется статья

Однако *субъект-объектные отношения* в конструкциях с рефлексивом **свои** постепенно, по мере вытеснения коллективистского мировоззрения, изменялись. Об этом свидетельствуют сравнение разновременных летописных текстов одного содержания и многочисленные примеры с формой Р=В при местоимении **свои** (по подсчетам В.Б. Крысько [6, с. 14], превосходящие по численности формы И=В). Поскольку в любых текстах (особенно это касается *переходных эпох*) старые явления сосуществуют какое-то время с новыми благодаря установлению семантической дифференциации, нет оснований связывать выбор падежной формы только с наличием местоимения **свои**, как это делают многие исследователи, или же полностью отрицать такую связь. Необходимо обратить внимание не столько на формальную сторону конструкций, сколько на содержательную. Притяжательное местоимение, особенно в поздних текстах, влияет не само по себе, а лишь как отражение соответствующей *семантики конструкции* – именно в этом мы видим причину существования прямо противоположных взглядов на роль притяжательного местоимения – как сдерживающего фактора [9, с. 239] и как фактора, способствующего выбору Р=В: “The fact that the object itself is definite and is modified by the possessive pronoun also tends to make it a good candidate for the choice of the genitive-accusative” [15, p. 96]¹ («То, что объект сам по себе определенный и определен притяжательным местоимением, также способствует выбору генитива-аккузатива»). Если семантика конструкции с местоимением **свои** указывает на *несамостоятельность, подчиненное положение* объекта, к тому же нередко выступающего в качестве *исполнителя воли субъекта, акцентирует* внимание на *принадлежности* как *тесной связи* объекта с субъектом действия, используется форма И=В.

Говоря о грамматических фактах, связанных с «неотчуждаемой принадлежностью», Ч. Филлмор, выделяет существительные, выражающие такие понятия, которые в основе своей являются *отношениями*. Сюда относятся, в частности, *термины родства* [16, с. 459]. По наблюдениям П.С. Кузнецова, существительное **сынъ** сохраняет еще форму И=В в *Синодальном списке Новгородской летописи*. Эта форма встречается и в более поздней *Лавр. лет.*, даже в позднейшей *Суздальской части* [17, с. 94]. В *Моск. лет.* около половины реликтов И=В (19) засвидетельствованы нами от лексемы **сынъ**, в том числе в сочетаниях *за сынъ свои* (3) и в *речевом штампе послаша по сынъ* (8). Использование формы И=В служит целям *актуализации того лица*, с которым объект связан родственными отношениями. К тому же близкие родственники часто выступали как *продолжатели линии поведения* старшего поколения, «проводники» его активности: о сыновьях великого князя сказано, что **они же**

о наследовании: «если какой человек умрет без завещания, *heres suus nec escit (=non sit)*, и не окажется наследника «из своих». Выражение *heres suus* «свой наследник, наследник из своих» – также архаизм: если бы здесь *suus* имело только притяжательное значение, оно по-латыни не было бы необходимо. Предписание закона имеет в виду такого *heres*, который был бы в то же время *suus*: наследство не может уйти от «своих», то есть быть переданным за пределы узкой группы прямых родственников по нисходящей линии, оно остается внутри этой группы [14, с. 363–364]. Толкование Э. Бенвенистом *heres suus* позволяет предположить, что исходное значение местоимения *suus* совсем не возвратно-притяжательное «свой», а посессивно-партитивное «из своих».

¹ Не исключено, что американской исследовательнице не удалось избежать влияния грамматики современного английского языка, где притяжательные местоимения выполняют, по сути, роль определенного артикля.

волю его створиша (Моск. лет., 116). Поэтому не случайно исследователи уже давно обратили внимание на особое поведение существительных – **названий родства**. В конструкции же **послать сына (своего)** R=V объекта может свидетельствовать о том, что: 1) *сын* – инициатор действия субъекта (он просил, чтобы его послали, выказывал готовность к действию) или же княжеская воля по каким-либо причинам ослаблена (вынужденность); 2) дальнейшее поведение объекта – *сына* – будет определяться не волей субъекта, а собственной волей сына, то есть объект не будет исполнителем чужой воли, а станет принимать решения, действовать *sua sponte*. Содержательный анализ контекстов Лаврентьевской летописи подтверждает это. После начала погодной записи 1043 – **Посла Ярославъ сна своего Володимера на Грькы** (Лавр. лет., 154) – следует подробное описание активного поведения сына в разнообразных ситуациях. Подобные факты, как видим, требуют обоснования в свете *ситуативной* семантики, а не в свете особенностей лексического значения слова, хотя от последнего часто зависит, какую роль – активную или пассивную – оно потенцирует субстантиву.

Таким образом, выбор падежной формы в позиции прямого объекта обуславливался *характером субъект-объектных отношений*, определяемых *ситуативной* семантикой. Признак одушевленности как самостоятельной активности не проявляется у лексически одушевленных имен в контекстах, преломляющих архаические модели *посессивных отношений* – «**слуга – хозяин**» и «**один из своих**», о чем в речи могут свидетельствовать притяжательные маркеры, обозначения людей, связанных по разным причинам чужой волей (маленьких детей, холопов, посланников, посадников, гонцов, отроков и под.), а также обозначения «узкой группы своих» (родственников, свойственников, единоверцев и под.). Со временем сфера *принадлежности* постепенно суживается. *Коллективистские* взаимоотношения и сценарии поведения начинают уступать место *индивидуализму*. А.А. Холодович видит причину сдвига в понимании *множеств, целого и части* в изменении практической деятельности людей [18, с. 5]. Старые модели, порожденные архаическим мировоззрением и изжившими себя общественными отношениями, постепенно разрушаются – и вместе с ними постепенно исчезает обусловленная ими всегда довольно редкая форма И=В.

Summary

O.S. Ilchenko. Revealing of the Implicit Category of Possession in Direct Object Position in the Language of Chronicle Texts.

Based mainly on the material of chronicles, this article shows that the use of a lexically animate noun in the nominative-accusative case was generally determined by the subject-object relations reflecting *possession*. Since the models originated by the archaic *weltanschauung* and obsolete social relations gradually deteriorated, a rather rare form of the nominative-accusative case always conditioned by these models gradually vanished as well.

Key words: category of animacy in Russian, variation of cases, possession.

Источники

- Ипат. лет. – Ипатьевская летопись // ПСРЛ. – Т. 2. – Изд. 2. – СПб., 1908. [воспроизведение текста издания 1908 г. – М., 1962], сп. XV в.
- Лавр. лет. – Лаврентьевская летопись, вып. 1–3 // ПСРЛ. – Т. 1. – Изд. 2. – Л., 1926–1928 [воспроизведение текста издания 1926–1928 гг. – М., 1962], сп. 1377 г.
- Моск. лет. – Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. – Т. 25. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- Панд. Ант. – Пандект Антиоха Черноризца. – Рукоп. ГИМ, воскрес., № 30, кон. XI в.

Литература

1. *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 480 с.
2. *Кацнельсон С.Д.* Историко-грамматические исследования. – СПб.: Петерб. лингв. о-во, 2010. – 422 с.
3. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
4. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. – М.: Знак, 2003. – Т. 2. – 1801 с.
5. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. – М.: Просвещение, 1968. – Т. 3. – 552 с.
6. *Крысько В.Б.* Развитие категории одушевленности в истории русского языка. – М.: Лусеум, 1994. – 224 с.
7. *Истрина Е.С.* Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. – Петроград, 1923. – 174 с.
8. *Кедайтене Е.И.* Развитие форм родительного-винительного падежа и употребление старых форм винительного от названий лиц и одушевленных предметов в древнерусском языке (на материале памятников XII – XIV вв.) // Учен. зап. Вильнюс. гос. ун-та им. В. Капсукаса. Сер. ист.-филол. – 1957. – Т. 3. – С. 139–170.
9. *Томсон А.И.* Родительный-винительный падеж при названиях живых существ в славянских языках // ИОРЯС Имп. Академии наук. – СПб., 1908. – Т. XIII, Кн. 2. – С. 232–264.
10. *Dietze J.* Die Entwicklung der altrussischen Kategorie der Beseeltheit im 13. und 14. Jahrhundert // Zeitschrift für Slawistik. – 1973. – Bd. 18, N. 2. – S. 261–272.
11. *Тимберлейк А.* Вкусить от древа познания и убояться: вариативность в развитии винительного-родительного падежа (По поводу книги В.Б. Крысько. Развитие категории одушевленности в истории русского языка. М., 1994. 224 с.) // Вопр. языкознания. – 1996. – № 5. – С. 7–19.
12. *Шахматов А.А.* Историческая морфология русского языка. – М.: Учпедгиз, 1957. – 400 с.
13. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 452 с.
14. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов (извлечения) // Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 350–369.
15. *Klenin E.* Animacy in Russian: A new interpretation. – Columbus (Ohio): Slavica, 1983. – 140 p.
16. *Филлмор Ч.* Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1981. – Вып. X. – С. 369–495.

-
17. *Кузнецов П.С.* Очерки исторической морфологии русского языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 276 с.
 18. *Холодович А.А.* Проблемы грамматической теории. – Л.: Наука, 1979. – 304 с.

Поступила в редакцию
22.09.11

Ильченко Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: *ilchen@mail.ru*